

Надежда Салихова

Объявлен в розыск

(осенняя история любви)

Надежда Салихова

Объявлен в розыск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68733873

SelfPub; 2023

Аннотация

В современной жизни телефон очень много значит, и его отсутствие может привести к непредсказуемым последствиям. Не важно, сколько тебе лет, ты всегда должен оставаться на связи.

Надежда Салихова

Объявлен в розыск

– Да в руки я больше не возьму эту балалайку! – Михалыч с силой впечатал телефон в столешницу. Если бы экраном вниз, все, экран не выдержал бы. А так ничего, повезло.

Михалыч дышал тяжело, обида так и клокотала в нем. Сравнить его с тинейджерами сопливыми! Он-де хуже молодых – телефон из рук не выпускает! Поддался веяньям времени, сидит на телефоне. Ну, да, в последнее время телефоном он стал гораздо чаще пользоваться. Причем, не только звонить. Все началось с того, что сын с женой подарили ему на день рождения новый телефон. Поначалу он воспринял этот подарок без восторга. Ну зачем, скажите на милость, ему вдруг менять свой телефон? Свой привычный, удобный, надежный, компактный телефон – вот сразу сколько достоинств у старенькой nokia! Сын утверждал, что надо. Надо! И кому, интересно, оно надо? Зачем менять технику, если она еще прекрасно служит? Вот, если сломается... тьфу-тьфу-тьфу, не дай Бог! Или потеряется, тоже это... не приведи Господь. Вот в этом случае придется уж идти в магазин и приобретать новый...

Но сын был настойчив. Он сказал, что незачем ждать, пока телефон «накроется», и в магазин идти тоже не надо, все уже куплено и упаковано – бери и пользуйся! К тому же новый телефон дает такие возможности! И вообще, сын употребил недозволенный прием: стал шантажировать. И кого, родного отца! Что, мол, обидится и не будет разговаривать, если батя не примет подарок.

И Михалыч сдался. Сын тут же поменял симку, объяснил, как пользоваться телефоном, кое-какие функции нового агрегата. Ну и помог с переносом контактов из старого телефона в новый. Ах, да, настроил WhatsApp. Поначалу Михалыч с этим самым вотцапом был осторожен. Что за зверь такой этот самый вотцап? Но освоился и ему даже понравилось. Можно, например, не звонить, а сообщение написать. Конечно, живой голос услышать куда приятнее, особенно от своих близких. Но бывают же ситуации, когда звонок может быть некстати. Например, поздно уже, или, наоборот, утро раннее, или занят человек. И сказать постесняется, чтоб, мол, потом перезвонили, вот и будет слушать и мучаться, думая про собеседника (то есть про Михалыча) нехорошее. А собеседник ни сном, ни духом, и счастлив просто поболтать. А так напишешь, и адресат прочитает, когда сможет. Потом можно уже и созвониться, когда звонок для обоих абонентов будет удобен. Еще преимущество сообщений перед телефонным разговором в том заключалось, что в сообщениях

пишешь коротко, и все ясно. А бывает, позвонишь, особенно некоторым, и все, пиши пропало – так на уши присядут, что и не отвяжешься.

Первое время Михалыча радовали утренние приветы в виде красочных картинок с пожеланиями доброго утра. И веселые клипы с бодрой песенкой. И поздравления на каждый праздник. Тут очень старалась Клавдия Васильевна, бодрая одинокая старушка, соседка по саду. Каждое утро от нее прилетал подобный привет. И на праздники опять же много поздравлялок, а праздников, как выяснилось, спасибо Интернету, у нас великое множество. Каждый день с десятков наберется. А шурин – тот разные приколы отправлял. Так, кажется, называются смешные картинки с надписями и видео, которое без смеха смотреть невозможно. А иногда шурин такое присылал, что у Михалыча, не смотря на его 70 лет, уши полыхали и где-то внизу живота отзывалось.

Короче, развлекалась пенсионная братия, как могла. Но спустя некоторое время Михалыча стал напрягать подобный контент. Ну, правда, сколько можно – то бесконечные «С добрым утром» с котиками и собачками, то шуринова стыдоба, прости Господи. Но тут он для себя открыл ю-туб. Эта площадка покорила его. На ю-тубе было все, что душе угодно – и развлекуха, и полезные дела. Разных смешных роликов тут выше крыши. И про рыбалку есть! И не только смеш-

ные. Полно советов, посмотреть, не пересмотреть! Как самим сделать блесна, как подсекать, разные хитрые приемы, которые даже Михалыч, который с детства с удочкой не расставался, не знал. Или по строительству советы. По садоводству опять же, разные эти, как их... Что-то с лавой и Хакамадой связано... А, эти – лайвхаки! А Михалыч садовод хоть и со стажем, и руки на месте, но много нового для себя взял на вооружение, и даже кое-что применять на своем участке начал. Экспериментировал, так сказать. И Клавдию Васильевну вовлекал. Но у неё своих советов – полный телефон. И летали сообщения из одного телефона в другой в течение всего дачного сезона, укрепляя и без того теплую дружбу двух одиноких пенсионеров. И вот, сезон закончился, а дружба (теплая) осталась. И все благодаря телефону.

А кино! Любое кино, какое захочешь можно найти на ютубе. Да, дисплей конечно маленький на телефоне, ну а взять первые телевизоры? Эти, КВНы? Там экранчик был почти такого же размера. Линза здоровая правда стояла... Зато телефон можно с собой везде брать. Хоть в кровать! И если уж что-то особенное разглядеть надо, телефон можно к глазам поближе поднести. А тот КВН разве поднесешь? Разве что сам подползешь вплотную. И сидишь, уткнув свой нос в экран, зад оттопыря, пока мамка по энному заду шлепка не даст.

А телефон-то еще чем хорош – надоело тебе смотреть, или там, отлучиться куда надо, поставил на паузу, и топай по своим делам. А потом можно включить с этого самого места, когда тебе удобно. Не понял с первого раза, что тебе там показали? Отмотай назад и смотри заново. Сплошные преимущества. А новости?! Тут, в Интернете этого добра завались! Поболе, чем в телевизоре. Знай только фильтруй, да лапшу с ушей отряхивай.

Короче, оценил Михалыч новый телефон по достоинству. С лучшим другом меньше общался, нежели с телефоном. Потому что по телефону и с другом пообщаешься, и с Клавдией Васильевной, и с сыном, и с внуком. А тот – даром, что малец, такие видосы пришлет, закачаешься. И где берет-то их, в школе что ли им выдают?

И вот дружок-то, Иван Филиппыч, возмущаться стал, что, мол, он – Михалыч, совсем в телефоне поселился. С ним теперича каши не сваришь, на рыбалку нормально не сходишь и пивка по выходным не попьешь. Все, пропал Михалыч, осовременился и отелефонился, что та молодежь сопливая... как их? Тинеджеры, во!

– Тинеджеры, – передразнил дружка Михалыч, – не знаешь, так не говори! А правильно говорится ти-нейд-же-ры. Понял? Повтори!

– Вот еще, – закипятился Иван Филиппыч, – буду я повторять слова всякие иностранные. Что у нас своих, русских слов нету? Шантропа, она и есть шантропа.

– Сам заикнулся, сам! – наскокивал Михалыч, – но сказал неправильно. Что за шантропа? Слово-то какое староречимое. У нас прогресс семимильными шагами шагает, а ты все – шантропа...

– Зато это русское слово. Пусть старое, но понятное. Не то, что твоя иностранщина! – не отступался Иван Филиппыч.

– Русский язык тоже должен обновляться. Пусть появляются разные новые слова, международные. Маяковский тоже внедрял новые слова. Они назывались неологизмы.

– Ну, ты далеко не Маяковский, – язвительно заметил Иван Филиппович, – ишь, гизмы какие-то выдумал.

– Ну так я не сам придумал это слово, – огрызнулся Михалыч.

– А ты придумаешь... Скоро и не такое придумаешь со своим телефоном. Совсем свихнешься, прости Господи. Как говорится, крыша съедет. И будешь совсем ку-ку, – Иван Филиппович покрутил растопыренной ладонью у виска, – а все твой телефон. Жить без него не можешь.

– Ах, не могу?!

– Не можешь!

– Да в руки больше не возьму эту балалайку! Никогда в жизни!

Михалыч грохнул телефон об стол.

– Все, телефоном я пользоваться больше не буду! Ты меня еще не знаешь! Мужик сказал, мужик сделал!

Михалыч скрестил руки на груди и замолчал, посапывая от обиды. И тут его накрыл страх – а как жить-то теперь без телефона? Без ю-туба этого. Без сообщений от Клавдии Васильевны. Но гордость не позволяла ему идти на попятный. Он уже сожалел о сказанном. И чего, спрашивается ляпнул, про это самое «никогда»? Сказал бы уж неделю или три дня. Но Михалыч был вреден и упрям. Иногда сказанное им в сердцах оборачивалось против него же самого, но он не желал признавать свое поражение, и от этого немало страдал.

Иван Филиппыч все это знал про своего друга, как никак больше полусотни лет дружба их длится. И не раз выручал дружка своего, поворачивая ситуацию так, чтобы Михалычу помочь, и в то же время, чтобы тот от своих убеждений не отказывался. Но в этот раз Иван Филиппыч, что говорится, полез в бутылку. Внезапно у него случилась вспышка вредности. То ли бури какие магнитные, то ли Меркурий ретроградный разбуянился, то ли луна не в той фазе, но Иван Филиппыч вопреки своему доброму и покладистому нраву уперся, встал в позу.

– Ну-ну, – заявил он, – в руки, значит, не возьмешь? Посмотрим, посмотрим, хватит ли у тебя выдержки...

Михалыч яростно схватил телефон. Иван Филиппыч слег-

ка побледнел. Он, было, подумал, что бросит Михалыч телефон в сердцах о стенку. Но нет, тот просто выключил его и дрожащими от волнения и переизбытка эмоций руками затолкал в коробку, а коробку убрал в шкаф. С громким стуком хлопнул дверцей шкафа и повернулся к своему другу.

– Ну, что, убедился?!

– Не знаю. Не знаю... – вместо того, чтобы успокоить друга, Иван Филиппыч еще больше заводил того. – Ну, выключил, ну, спрятал. А на сколько тебя хватит? Через час его снова и включишь.

– Иди-ка ты, Ваня, – зловеще произнес Михалыч. – Иди домой, пока я тебя сам не выгнал, ретроград хренов, поборник нравственности.

Иван Филиппыч спешно ретировался, а Михалыч устало опустился в кресло. Эх, а еще друг называется! Он с грустью смотрел в окно. За окном светило солнышко, желто-красные деревья великолепно смотрелись на ярко-голубом небе.

«А ведь нынче Покров, – пронеслось в голове у Михалыча. – А снегом и не пахнет, бабье лето продолжается. А что это значит? А это значит, что снега не будет, не будет до...» Михалыч знал, что существует народная примета – если на Покров день, который всегда отмечается 14 октября, снегом земля, хоть самую малость, не припорошена, то зима не установится еще долгое время. Но вот какое конкретно долгое,

он не помнил. Потянулся, было за телефоном, но вспомнил, о своем заявлении и сердито отдернул руку.

За окошком чирикали птицы, погода манила, звала на природу. Михалыч решительно встал. Самое время отправиться на садовый участок. Дела там, как известно, никогда не заканчиваются. А такой подарок осени, как сегодня, грех упускать – в сухую и относительно теплую погоду можно сделать очень много. Пока старенькая Лада, поскрипывая пружинами, везла его на дачу, в голове роем кружились мысли. Михалыч в уме составлял план действий: деревья побелить, сухие ветки сжечь, перила на веранде починить. А еще неплохо было бы посмотреть свою Ладушку, что там у нее под капотом творится. Не нравилось Михалычу, ох, не нравилось, как работал ее мотор, как посвистывал стартер. То же надо время старушке уделить. Сказав мысленно эту фразу, Михалыч хмыкнул. Неплохо было бы уделить время и другой старушке – Клавдии Михайловне. Но она уехала водиться с правнуком, очень срочно понадобилась ее помощь. А без нее в саду как-то скучновато было. Ни чаю попить с ее знаменитыми пирогами, ни словом перекинуться. Остальные соседи, те, что жили поблизости, они все работающие люди, и сад-огород навещали лишь в выходные. К тому же лето закончилось, а с ним и все отпуска. И поэтому среди недели, вот как сегодня, на участках по идее должно было быть только два работника – он и Клавдия Васильевна, а раз

она тоже отсутствовала, то Михалычу предстояло трудиться в гордом одиночестве.

Одиночество, как ни странно, Михалыча не угнетало. Наоборот, никто не отвлекал, и работу свою он сделал быстро. Даже удивился. И оценил по достоинству отсутствие телефона. Поскольку из-за отсутствия оно, Михалыч не отвлекался каждые пять минут, и работа у него спорилась. Незаметно подошло время обеда. Без Клавдии Васильевны обедать Михалычу пришлось всухомятку. Пообедав, он, сидя на только что починенном крылечке, обзирал сделанное им за сегодняшней день. Результаты радовали. «А не остаться ли мне еще на денек? – подумал Михалыч, – ну, а что? Дома меня никто не ждет, спешных дел нету. Да и неспешных тоже... И с Иваном поругался. Вот придет этот старый дурак мириться, а меня и дома нет».

Похикивая и потирая ручки, Михалыч принял решение задержаться в саду, да не на день, а на пару-тройку дней. Правда, какая там погода ожидается, неизвестно, это знает только гугл. Но раз телефона нет, посмотреть негде.

– Ну и ладно, что мне этот телефон, что мне эта погода, – разговаривал сам с собой Михалыч. – Раньше жили, не тужили безо всяких телефонов, как-то сами догадывались, какая погода будет. В крайнем случае, если дождь пойдет или

снег, дом у меня справный, непогоду выдержит. И дрова заготовлены. Только вот с продуктами беда. Но мы эту беду щас враз устраним. Сгонять до ближайшей деревни, чай, не проблема.

С этими словами Михалыч, кряхтя, поднялся, сходил в дом за ключами и кошельком и направился к машине. Но машина, к великому сожалению, чихнув мотором, заводиться отказалась. Свистел стартер, но долгожданного «фыр-фыр-фыр, трррррр» так и не прозвучало. Машина стояла, стыдливо отводя фары от Михалыча. Он открыл капот и застыл, обозревая внутренности своей Ладушки. Взяв инструмент, он сделал попытку привести Ладушку в чувство, но безрезультатно. Некоторые мелкие неисправности Михалыч легко устранял сам, но в данном случае он оказался пас. Скорее всего стартер приказал долго жить... но это не точно. Эх, был бы телефон, он в ю-туб залез бы, посмотрел, что к чему... глядишь и починил бы свою лошадку. Но, если все же причина в стартере, то срочно менять надо, а поменять – это еще пол беды, его ведь сначала купить надо.

– Тааак, приехали, – горестно протянул Михалыч, – и что прикажешь делать?

Ну, положим, до деревни за харчами можно и пешком сходить, растрясти старые кости. А вот как потом домой добираться? И, главное, как машину доставить до сервиса? Тут,

в саду, ни души... И сыну никак не позвонить – нет ведь телефона. На электричку что ли тащиться и в город сгонять за стартером?

Михалыч в сердцах плюнул. Решил, что ходит, купит продукты и останется тут до выходных. Ну а что – всего-то пять дней. Устроит себе маленький отпуск. А там кто-нибудь из соседей приедет и поможет – либо машину починить, либо в город отвезет.

Помахивая авоськой, Михалыч направился в сельпо. Но до калитки, что выводила на короткую тропинку, ведущую в деревню, надо было идти в противоположную от ворот сторону. Этой дорогой Михалыч ходил редко, поскольку всегда на машине ездил. Шел он неторопливой поступью куда не спешащего человека, и вот, на крайнем участке, увидел мужчину лет пятидесяти с небольшим. Тот стоял, облокотившись на забор, и выжидательно смотрел на приближавшегося Михалыча. Мужчина был незнакомый. И не мудрено – за последнее время у них в товариществе появилось где-то с десятков новых соседей. Многие старички, чувствуя свою немощь, продавали участки и уходили на покой. Этот мужчина, видимо, не так давно приобрел домик с прилегающей к нему землей и обживал территорию. Едва Михалыч поравнялся с ним, незнакомец обратился к нему с вопросом:

– Уважаемый, закурить не найдется?

Закурить у Михалыча нашлось. Он протянул сигарету, чиркнув спичкой, дал прикурить, потом затянулся сам. Минут пять они стояли молча – тот прислонившись к забору, Михалыч на дороге, отставив левую ногу, небрежно помахивая авоськой – и, наконец, разговорились.

Оказалось, что Николай – так звали нового знакомца – купил этот участок буквально с месяц назад, и вот, обживает-ся потихоньку, даже отпуск взял. Михалыч коротко рассказал свою историю проживания в данном товариществе, растянувшуюся лет на пятьдесят. И тут же к слову поведал о своей неприятности. Николай заявил, что все проблемы разрешимы, что соседи всегда помогают друг другу, и он, Николай, не исключение. Помочь он не откажется, но для начала неплохо бы познакомиться поближе.

Получив на то согласие Михалыча, Николай вывел из гаража своего «Патриота», и они отправились в деревенское сельпо за провиантом и всем необходимым для знакомства.

Надо было отдать должное Николаю – делу у него было время. Может потеха часом и не ограничивалась, но дело – сразу было видно – на первом месте. Как только они приехали из магазина, тут же завернули к Михалычу. Их встретила расстроенная Ладушка с распахнутыми капотом, багажником и передними дверцами. Михалыч, пойдя в магазин,

так ничего и не закрыл, посчитал, что тут все равно никого нет, а если есть, то все свои, а брать у него все равно нечего. Кто позарится на допотопные Жигули, которые застали еще Леонида Ильича Брежнева? Внимательно осмотрев машину, Николай удовлетворенно крикнул:

– Ну, проблема, конечно, не критичная, но повозиться придется. Да, ты, Михалыч, прав, стартер твой капризничает и прилично так капризничает. Но не беда, починим твою Ласточку. Поставим на ноги, то есть на колеса. А пока, давай-ка ее ко мне отбуксируем. Мне у себя работать сподручнее будет.

Они доставили машину Михалыча на участок к Николаю. Точнее за участок – поскольку николаевский участок был крайний, у забора, с выходящими в лес воротами. Там, за забором была расчищена довольно большая полянка, стоял навес, под которым находился старенький верстак. Михалыч завистливо вздохнул – хорошо тем, у кого крайние участки, можно себе еще квадратных метров земли добавить. Пристроив Ладушку, они накрыли стол на веранде. Знакомство обещало быть обстоятельным и углубленным.

Тем временем Клавдия Васильевна вернулась домой. Необычайно сухая и теплая погода не давала ей покоя. В саду было столько дел и состоять в качестве няньки, пусть даже при собственном и горячо любимом правнуке, ей вовсе

не хотелось. Включив всю свою изобретательность и обаяние, Клавдия Васильевна нашла себе замену, и свободной пташкой полетела домой. Надо созвониться с Михалычем, позвать его в сад. А то сидит, поди, сиднем дома, в телефоне зависает. И ему польза, у себя поработает, и ей – не трястись в расхлябанной электричке, а доехать с комфортом в машине. Ну и что, что она, машина, то есть, старенькая, зато везет исправно и ладно. В глубине души Клавдия Васильевна понимала, что наипервейшая причина ее отказа сидеть с Владиком, и поскорее поехать в сад вовсе не хорошая погода, а желание встретиться с Михалычем. Но эту мысль она не стала вытаскивать на свет божий, а засунула еще дальше в сокровенные глубины подсознания. Они с Михалычем просто... давние друзья. Клавдия Васильевна помнит жену его, Машеньку, царство ей небесное. Хорошая соседка была. А Михалыч с ее Петром Борисычем в шахматы на досуге не раз играли. А то и собирались они по-дружески, семьями, да чаепития устраивали. Но давно это было. И Машеньки нет уже лет семь как, а ее Петя ушел еще раньше. А они с Михалычем продолжают общаться по-соседски, помогая друг другу, кто чем может. А этим летом их общение стало несколько иным. Более теплым что ли? Более... дружеским.

Сегодня Михалыч ей и поможет добраться до места, а она угостит его свежим пирожком с яблоками. Вот сейчас допечет пирог и позвонит... Но к великому удивлению Клавдии

Васильевны абонент оказался недоступен. Она перезвонила через полчаса. Снова недоступен. Что за дела? Телефон разрядился? Но почему он его не зарядил вовремя? Она же знала, насколько важен для Михалыча телефон. Случилось чего? Когда Клавдия Васильевна позвонила через час, но телефон ответил тем же «абонент недоступен», она не на шутку встревожилась. И решила, отбросив стеснение, отправиться к Михалычу домой. Она ведь не просто так в гости навязывается, она переживает за соседа... За пожилого, между прочим человека. А в таком возрасте всякое может случиться.

Клавдия Васильевна суетливо завернула горячий еще пирог и засунула его в матерчатую сумку, накинула курточку, бросила мимолетный взгляд в зеркало. Подкрасить губы? Встреча-то с мужчиной как никак. Но тут же себя одернула – какой подкрасить! С Иваном поди что-то случилось, а у нее одно кокетство на уме!

Клавдия Васильевна, как все, обращалась к Михалычу только по отчеству, но про себя, в уме, называла его Иван, а то и Ванечка. Но об этом, конечно, никто знать не должен.

Домофон тщетно разливал свои трели, но трубку в квартире никто брать не собирался и дверь открывать тоже. Тут бы Клавдии Васильевне и уйти. Но вот подъездная дверь тихонько пиликнула и медленно отошла в сторону. Обрадовав-

шись, Клавдия Васильевна потянула ее на себя и, чуть по-сторонившись и пропустив медлительную грузную тетеньку, проскользнула в подъезд. Дом был старый, без лифта, и на пятый этаж Клавдия Васильевна поднялась несколько запыхавшись, а прическа ее растрепалась. Новая металлическая сейф-дверь стойко принимала на себя слабые удары клавде-васильевных кулачков. Но тщетно. За дверью стояла ватная тишина.

Растерянная Клавдия Васильевна медленно спускалась по ступенькам, а навстречу ей пыхтя поднимался пожилой муж-чина. Клавдии Васильевне его лицо показалось смутно зна-комым.

– Простите, а вы случайно не в 59-ю квартиру идете? – чуть стеснительно спросила она.

– В 59-ю, – удивленно протянул мужчина.

– А зовут вас Иван...

– Иван Филиппович меня зовут, а вам, собственно, что надо?

– Понимаете, я знакомая Михалыча... Ивана Михайлови-ча... Я... Мы... вроде в сад собрались поехать – мы соседи, по саду соседи, меня зовут Клавдия Васильевна... – засуетилась пожилая женщина, – а у него телефон недоступен. И дверь не открывает. Может, его дома нет? Но...

– Недоступен? – перебил Клавдию Васильевну Иван Фи-липпович. – Ну да, ну да... вот, баран упрямый!

Клавдию Васильевну несколько покорило, что об ее соседе Иван Филиппович так неуважительно отзывался, надо же, бараном обозвал! А еще другом считается. Но она не стала комментировать сказанное, а только сухо спросила:

– Тогда, может, вы знаете, где он?

– Так откуда же мне знать! – взвился Иван Филиппыч. – Мы с ним вчера разругались в пух и прах. А все из-за телефона евоного, будь он неладен! Я ему вменил неумную тягу к новому телефону, а он разобиделся. И заявил, что вообще телефон больше в руки не возьмет. Нервный, как барышня. Но чтобы он еще и от людей прятался!

Иван Филиппович решительно подошел к двери и замолотил в нее кулаками.

– Мыхалыч! Слышь, хорош дуться. Ну поспорили и ладно, что ты как ребенок, ей-богу! Но за дверью было тихо.

– Н-дааа, – протянул Иван Филиппович, видать и правда, дома нет. Но куда же он мог уйти? В сад что ли уехал?

– Да-да, в сад! – оживилась Клавдия Васильевна.

Она запоздало подумала, что глупо было пытаться застать Михалыча дома. В такую погоду да в сад не поехать. И тем более, она ведь говорила, что с Владиком водиться будет до выходных. Откуда же Ване знать, что она передумает. Эх, надо было заранее позвонить. Вчера еще. Договорились бы и

вместе поехали. А она, вишь, сюрприз хотела сделать, приехать неожиданно, да гостинцев привезти.

Внутренний голос нашептывал Клавдии Васильевне, что она бессовестно «клеит» мужика, но женщина раздраженно отмахнулась от этой мысли. Клеит, не клеит, в их возрасте это уже не стыдно. Но ей стало немного обидно – думала, что сидит Михалыч в одиночестве, скучает, ее ждет и в сад один не едет. А он вот взял и поехал. Ну, что ж, она тоже возьмет и поедет. Придется на электричке, ничего не поделаешь. Клавдия Васильевна наспех попрощалась с Иваном Филипповичем и отправилась было на вокзал. Но Иван Филиппович благородно предложил подвезти.

– Мне все равно делать нечего. Да и перед дружкой неудобно. Взяли и разругались, как дети малые.

Уже в машине он продолжил свой монолог и вещал, кивающей в знак согласия с его словами, Клавдии Васильевне:

– Я прощения у него просить не собираюсь, что я ему, пацан что ли. Он тоже хорош. Нечего было мне претензии высказывать. Ну, не прав ты, так признай свою неправоту. Вот я не прав, так и скажу ему: «Черт с тобой, сиди ты со своим телефоном, сколько тебе угодно!» Но извиняться – ни-ни. Да, ладно, он и так поймет.

До садового товарищества доехали быстро, но на улице

уже смеркалось. Осень – темнеет все раньше и раньше. Но когда подъехали к участку Михалыча, Клавдия Васильевна ощутила беспокойство. В окнах не было света. И за те несколько секунд, пока Иван Филиппович припарковывал свою Реношку, миллион мыслей пронеслось в ее голове: еще не так темно, чтобы включать свет, он работает где-то за домом, у него просто проблемы с электричеством, пробки может выбило... Они с Иваном Филипповичем поднялись на крыльцо, подергали дверь – закрыто. Попытались заглянуть в окно, но ничего не увидели. Обошли участок – никого. Никаких следов пребывания Михалыча не было. Правда, на крыльце желто светилась свежим деревом новая балясина, да доска на одной из ступенек была такая же новая и свежая. Только один след отпечатался на ней, по сей видимости след резиновой калоши. Чей он, Михалыча? Такие калоши носил каждый второй у них в товариществе, как завезли в начале лета в сельпо дешевые калоши, так и напкупали все...

Интересно, а когда Михалыч крыльцо починил – вчера, сегодня? Следов машины на сухой дорожке видно не было. Приезжал он, не приезжал, кто знает. И спросить не у кого, рядом все домики стоят закрытые.

– Непонятно, – тихонько пробормотал Иван Филиппович. – То есть понятно – тут его нет. Но вот был или не был, вот это непонятно. Может, он вообще не приезжал? А дома нет – вдруг в магазин пошел, в аптеку.

– А в аптеку зачем? – испуганно прошептала Клавдия Васильевна.

– Нууу... Не знаю. Корвавол купить, валидол. Или этот – коринфарм.

– А он что, болеет?

– Да не жаловался. Это я так предположил, на всякий случай.

– Ах, вы, мужчины все такие, у вас болит что-то, а вы и ко врачу не обратитесь, и близким словом не обмолвитесь... – Клавдия Васильевна все больше начинала нервничать.

– Да постойте вы, что так сразу его в больные записали. Может, он просто в магазин вышел. Или в библиотеку! – Неожиданно выпалил Иван Филиппович. Но Клавдия Васильевна посмотрела на него, как на ненормального.

Иван Филиппович понял, что про библиотеку лишнее сказал. Да и про аптеку с лекарствами зря ляпнул. Во, как барышня завелась. Дамочки, они все такие, эмоциональные чересчур. Еще никакой проблемы нет, а они напридумывают себе с три короба. Он со вздохом произнес:

– Ладно, поехали домой... может он нас дома дожидается. Разминулись мы наверняка. Либо в городе, вышел в магазин, наверное... Или тут был, но уехал раньше...

Обратная дорога прошла в молчании. Не сговариваясь, они снова подъехали к дому Михалыча. Точнее, подъехал

Иван Филиппович, но Клавдия Васильевна его не просила, и он таким вопросом не задавался. Просто приехал и все. Надо же убедиться, что Михалыч жив, здоров. Но мириться с другом желание у него вовсе отпало. Более того, в отношении Михалыча у него закипало раздражение. Каков гусь, заставляет переживать за него, бегать, суетиться!

Дверь им опять так никто и не открыл. Клавдия Васильевна побледнела и схватилась руками за перила.

– С ним точно что-то случилось, – прошептала она.

А в это самое время Михалыч с Николаем пили на брундершафт. Новый сосед все больше и больше нравился Михалычу. Молодой? Да и ладно, подумаешь, лет пятнадцать разница. В таком возрасте это уже и неважно. Точнее нет, важно! Михалыч, общаясь с теми, кто моложе, словно сам молодец. Вот, скинув годков двадцать, он поддержал соседа в разговоре про женщин. Николай, усмехаясь и поругивая, хвалил свою Нюрку:

– На юга укатила моя красавица! – крикнув, заявил он. Вроде с осуждением сказал, но во взгляде его теплилась нежность. – Че мне, говорит, тут делать, ты все в порядок приведи, баньку подготовь, я и приеду. А сама с внученькой нашей, Машенькой поехала в море поплескаться. Ну а куда крохотулю денешь? Дети – сын с женой – все работают, а девушке морской воздух нужен.

Михалыч поддакивал. Пытался вставить слово про внука, который был вполне самостоятельный, и в данный момент, на начало учебного года, пока еще с энтузиазмом вливался в школьную жизнь. Но женская тема Михалыча вдохновила и подзадорила.

– Ты, понимаешь, Николаша, доверительно шептал он, ухватив за руку своего собеседника, – мы ведь без женщин никуда. Ну, по вдовствовал я тут несколько годков. И что? И ничего. А ведь рядом такая женщина... Такая...

Михалыч даже зажмурился.

– Я вас обязательно познакомлю. Клавочка... Клавдия Васильевна, она такие пироги печет! Ум отъешь! Вот приедет она на выходные сюда, в сад, я вас и познакомлю. Надо же с соседями дружить. Напечет Клавдия пирогов, мы в гости и придем. Или ты к нам... А пока она с правнучком нянчится...

Но Клавдия Васильевна в это время стояла в дежурной части ближайшего отделения полиции.

– Как это вы не примите заявление? – хватаясь за сердце, воскликнула она.

– Гражданочка, я же объяснил – заявление о пропаже мы принимаем только спустя три дня, как человек исчез, а когда его в последний раз видели? Вчера?

– Вчера. – сорвавшимся голосом виновато поговорил Иван Филиппович и закашлялся.

– Ну, вот видите...

Клавдия Васильевна бросила гневный взгляд на испуганно втянувшего голову в плечи Ивана Филиппыча, перебила дежурного.

– Я ничего не вижу! – чеканя слова, сказала Клавдия Васильевна. – Точнее вижу, что вы не хотите работать. Может в этот момент он умирает у себя в квартире...

– Стоп, гражданочка! – замахал на нее руками дежурный. – То есть как в квартире? Вы же говорите, что пропал?

– Пропал, на связь не выходит.

– А где пропал? – подозрительно сощурившись, спросил дежурный.

Клавдия Васильевна лишь руками развела.

– Где вы его последний раз видели? – чеканя слова, снова спросил дежурный.

Клавдия Васильевна замешкалась, а Иван Филиппыч робко произнес:

– Вчера он был у себя дома...

– А вы, гражданка, что скажете? Вы вчера были дома?

– Да... но... – протянула Клавдия Васильевна, – я была дома, у себя...

– То есть вы хотите сказать, что с пропавшим гражданином вместе не проживаете?

– Нет, но...

– То есть вы не законная супруга и не прочая родственница? – полицейский начал потихоньку закипать

– Да! – решительно тряхнула головой Клавдия Васильевна, – я не его законная супруга, а просто знакомая. Но это пока! А я, может быть, планирую стать законной супругой данного гражданина, которого вы верно назвали пропавшим. А раз пропавший, значит надо его искать!

– Вот и ищите, начиная с того места, где вы видели его последний раз. Дома? Идите домой. Не открывает? Обратитесь к законным родственникам. А мы начинаем поиски только спустя трое суток с момента пропажи. И принимаем заявления от законных родственников!

Дежурный сделал ударение на слове «законных».

– Кто там у него есть? Брат, сват, дети, внуки? Вот к ним и обращайтесь. А сейчас попрошу вас очистить помещение, – с этими словами он аккуратно подтолкнул Клавдию Васильевну и Ивана Филипповича к выходу.

– Ну, и что мы будем делать? – нарочно бодрым голосом спросил Иван Филиппович, а Клавдия Васильевна стыдливо отвела глаза. После неожиданно вырвавшихся слов «но это пока» про законность супружества, она не решалась смотреть на Ивана Филипповича. Что он может подумать?! Но она постаралась принять невозмутимый вид и ответила:

– Наверное, резонно внять советам этого полицейского. Обратиться к сыну Ивана Михайловича. Вы знаете его телефон или, где он живет?

Иван Филиппович развел руками:

– Я, конечно, знаком с этим молодым человеком, но не настолько близко, чтобы телефонами обмениваться. Правда, знаю, где он живет...

– Едем! Едем к нему, – скомандовала Клавдия Васильевна.

По пути она снова несколько раз набирала номер Михалыча, но все впустую. Абонент был недоступен.

Дом сына Михалыча отыскали только вечером, когда полностью стемнело. Потом Иван Филиппович долго вспоминал, в какой квартире тот живет. Но, несмотря на позднее время – где-то около десяти часов – дома никого не оказалось. То ли Иван Филиппович неправильный адрес вспомнил, то ли по вновь образовавшейся семейной традиции семьи Барановых, они всем семейством срочно покинули свои жилища. Хотя у Михалыча имеется внук школьного возраста, и этот внук должен вовремя ложиться спать...

Иван Филиппович отвез Клавдию Васильевну домой, они обменялись телефонами, на тот случай, если кому-нибудь из них удастся первому узнать про Михалыча, и договорились встретиться на следующий день.

Утром Клавдию Васильевну разбудил телефонный звонок. Промучившись полночи бессонницей, она заснула толь-

ко под утро, и так крепко, что не поняла, что это так трезвонит. Телефон от усердия аж подпрыгивал на прикроватной тумбочке. Клавдия Васильевна, щуря спросонья глаза, воззрилась на телефон. Потом ее молнией пронзила мысль – Михалыч! Дрожащей рукой она схватила трубку и прохрипела:

– Алло...

Из трубки донесся бодрый голос Ивана Филипповиа. Он сообщил, что нашел номер сына Михалыча, и надо с ним связаться, для чего он, Иван Филиппович, сейчас подъедет к Клавдии Васильевне.

Клавдия Васильевна мигом вскочила с кровати и принялась носиться по дому, как угорелая. Через полчаса, когда Иван Филиппович позвонил к ней в дверь, она причесанная и, одетая в простенький, но элегантный, домашний костюм, снимала со сковородки последнюю порцию оладушек. Она встретила Ивана Филипповича вопросом:

– Ну, что, вы дозвонились до сына Михалыча?

– Я? – удивленно протянул тот, – неет. Я думал, мы вместе... Вот, я номер записал. Мне его дала соседка, а она...

Клавдия Васильевна перебила его:

– Стоп, какая соседка? Давайте, звоните уже скорее!

– А почему я? – растерялся Иван Филиппович.

– А что, я что ли?! – терпение Клавдии Васильевны было на пределе. Она прекратила напрасный спор и выхвати-

ла из рук Ивана Филипповича бумажку с телефоном. Пальцы слегка дрожали, пока она вбивала номер телефона. И вот пошли длинные гудки.

– Как его зовут? – торопливо зашептала Клавдия Васильевна, – ну, же говорите быстрее!

– Ми... Миша, – заикаясь произнес Иван Филиппович.

Клавдия Васильевна закатила глаза к потолку. Но вот на том конце провода сняли трубку.

– Алло, это Михаил... Иванович? – чуть запнувшись, спросила Клавдия Васильевна.

Михалыч открыл глаза и с минуту озадаченно рассматривал низкий потолок, обшитый потемневшими досками. «Где я?» – озабоченно задал он сам себе вопрос. Попытался сесть и осмотреться, но от малейшего движения в висках затарабанили молоточки. «Ооооо!» – простонал он и снова откинулся на спину. В голове зашевелились воспоминания. Они с Николаем... баня... первая бутылочка Николаевой настойки, потом, кажется была еще...

Тут дверь распахнулась, пропустив солнечный свет, свежий, даже немного морозный воздух, и Николая. Тот стоял, заполнив собой дверной проем, и держал в каждой руке по баночке пива.

– Михалыч! Ну, как ты тут? Как переночевал? Что снилось на новом месте?

Михалыч страдальчески сморщил лицо и натянул одеяло до самого подбородка. По ощущениям, он лежал в чем мать родила, и, несмотря на то, что Николай был мужского полу, испытывал стеснение от полного отсутствия одежды.

– Коля, – слабым голосом проговорил он, – Коля, что мы вчера пи...ли? Это какая-то взрывоопасная смесь замедленного действия? И взорвется она сейчас в моей голове...

– Михалыч, не дрейфь! – бодро сказал Николай, – вот тебе средство для обезвреживания взрывчатки. С этими словами он протянул Михалычу баночку пива. Прохладную. С бисерными капельками влаги на жестяных боках. И этот ласкающий ухо звук – шшшшшш-пок!

Михалыч при виде заветной баночки напрочь забыл про стеснение, откинул одеяло и жадно припал к жестяному горлышку. Залпом опустошив половину, он, издав не совсем приличный рыгающий звук, прислонился к стене и протянул:

– Фууууууу... Хорошооооо...

Хозяйственный Николай накрыл стол на веранде. Рядом с парой жестяных баночек велкопоповетского пива стоял горячий чайник, тут же пузатилась стеклянная банка нескафе и сахарница с оранжевыми цветами на выпуклых боках. Большая тарелка с крупно нарезанными помидорами и огурцами, тарелка поменьше с кружками полу копчёной колбасы. В плетеной хлебнице толсто нарезанные ломти черного хле-

ба. Центральной составляющей этого садового натюрморта была большая чугунная сковорода со шкворчащей и шипящей глазуньей из десяти яиц.

Михалыч в калошах на босу ногу, в широченных штанах, подвязанных веревочкой (взятых у Николая напрокат взамен своих, облитых машинным маслом) и в николаевском же бушлате на голое тело, с жадностью набросился на еду. Поначалу он думал, что ему кусок в горло не полезет, но после чудодейственной силы велкопоповетского и свежего осеннего воздуха у него разыгрался зверский аппетит.

В то время, как он, взяв ломоть хлеба в палец толщиной и такой же по толщине кружок колбасы, подцеплял вилкой яичницу со сковороды, Иван Филиппович скованно пытался намазать вареньем оладушку и не капнуть при этом вареньем на стол. Аромат свежесваренного кофе щекотал ноздри Ивана Филипповича. Он сделал мелкий глоток, но кофе был слишком горячим, Иван Филиппович от неожиданности дернулся, расплескал кофе, и капнул-таки вареньем на кремовую скатерть. Шепотом чертыхнувшись, он попытался бумажной салфеткой уничтожить следы преступления, мысленно проклиная Клавдию Васильевну за то, что она усадила его завтракать. Он не привык к таким церемониям и исподтишка посмотрел на Клавдию Васильевну – заметила она или нет его оплошность. Но та энергично ходила по кухне

взад-вперед и разговаривала по телефону.

– Да, Михаил, я вам благодарна, что вы перезвонили... Простите, что отвлекаю вас от дел, понимаю, вы далеко, у вас командировка, а тут мы с такими вопросами, но поймите нашу обеспокоенность. Ваш папа сутки не выходит на связь. Вы когда ему звонили? Еще раньше, два дня назад? Вот видите. А он ни на что не жаловался? Да... Я очень переживаю... Поймите, в нашем возрасте всякое может быть. Вдруг ему плохо, он дверь открыть не может? Да мы были в саду! Нет его там!

Клавдия Васильевна не сдержалась и повысила голос. Но тут же взяла себя в руки и продолжила уже спокойнее.

– А у вас имеются ключи от квартиры отца? Ваша жена в городе? Может мы за ней съездим, привезем ее с ключами, и как свидетеля... Ой, простите, я всякую чушь несу, переволновалась немного... Что? И ее нет в городе? А... сынишка, он один дома что ли? Тоже уехал? Но учебный год только начался... Я думала... ах, отпросились... понятно, не сочтите меня бестактной, я вовсе не хочу лезть в ваши семейные дела, мне бы просто убедиться, что с Иваном Михайловичем все в порядке. Простите, пожалуйста, за беспокойство, но я так волнуюсь, так волнуюсь.

Клавдия Васильевна отложила телефон и горестно развела руками.

– Ну, вот, теперь уже не знаю, что и делать – сына нет в

городе, и ему вообще кажется наплевать, что с отцом. И в милиции искать не хотят...

– В полиции, – робко вставил Иван Филиппович.

– Что?

– В полиции, говорю, а не в милиции.

– Ах, какая разница! Что в милиции не работали, что в полиции искать не хотят. И что, что теперь делать? – Клавдия Васильевна нервно кусала губы.

– Ну... только ждать остается, – подвел итог Иван Филиппович.

На том и порешили. Ждать, а если на третий день Михалыч не объявится, тогда смело идти в полицию и требовать (Клавдия Васильевна так и сказала – требовать!) объявить его в розыск.

Ожидание – тяжелое бремя. Особенно, если себя занять нечем. Ивану Филипповичу занять себя как раз и не получалось. Он слонялся из угла в угол. Включил телевизор, пощелкал каналами, но все, показываемое там, либо раздражало, либо нагоняло тоску. Сел в кресло и потянулся за газетами, но буквы расплывались перед глазами, кроссворды не разгадывались. Иван Филиппович в сердцах скомкал и отбросил газету в сторону. Порывисто встал и отправился на улицу. Он вышагивал быстрым шагом из одного угла парка в другой, пока не стемнело. Все ходил и ходил. И думал – а

если и правда с Михалычем что-то случилось? И ведь в этом случае вина полностью ложится на него, Ивана Филипповича. Ведь если бы не этот глупый спор, который вспыхнул с его подачи, Михалыч не отключил бы телефон. И значит, мог бы позвонить, попросить о помощи. А так...

Устав так думать, Иван Филиппович начал успокаивать себя. Ведь, если бы Михалычу вдруг стало плохо, он что, телефон бы не включил? Тут не до глупых принципов и споров, если дело касается здоровья, а может и жизни. Но Михалыч упрям, ох как упрям...

Иван Филиппович вынул из кармана телефон, проверил, нет ли неприятых звонков. У него, конечно, сигнал на телефоне громкий, но вдруг кто-то звонил, а он задумался и не услышал. Набрал еще раз на удачу телефон Михалыча, но, услышав снова «абонент не доступен», в раздражении сунул телефон в карман. И Клавдия Васильевна молчит. Ну, а что она звонить будет? Кто он, Иван Филиппович, ей? «А вот повезло же Михалычу! – подумал вдруг Иван Филиппович, – Таковую женщину отхватил. Так переживает, неспроста, ох неспроста. Значит, это... Любит его? Да какая любовь в нашем возрасте?! Какая, какая... А вот такая! Что мы, пенсионеры, и полюбить уже не можем?»

Он вспомнил свою Аглаю Петровну, которая уже два ме-

сяца жила у сестры в деревне. Как слегла сестра-то, так Аглаша и уехала. Хозяйство, то, да се. Дети-то у сестры в городе, у них работа, да и не помнят, как оно за скотиной ходить, вот на Аглашины плечи все и легло. Он поначалу так обрадовался! Это же просто подарок судьбы! Никто не ворчит, указами своими не донимает, пряжу мотать не заставляет. А то сидишь, как дурак, истуканом, руки вперед вытянешь... В общем, полная свобода действий. А зачем ему эта свобода, что с ней делать? А так, поворчит старая, так хоть голос ее услышать, в ответ что-то сказать. И все не один в четырех стенах. Позвонить ей что ли? Так поздно уже, они там, в деревне с курами ложатся. Переполошится еще от звонка этого. «Завтра обязательно позвоню», – решил Иван Филиппович и направился к дому. Подумал, самое верное решение – лечь спать, а утро, как говорится, вечера мудренее.

Клавдия Васильевна, в отличие от Ивана Филипповича, знала, куда себя деть. Она на собственном опыте давным-давно поняла, что самый верный способ снять напряжение, это загрузить себя работой. Время в этом случае бежит быстрее, а ожидание не так сильно тяготит. Этот день у нее оказался самый продуктивный за последние десять лет, никогда, наверное, генеральная уборка у нее не была такой генеральной. Перестиранное белье, перемытые окна, двери, тщательно отмытые туалет и ванна. Не мудрено, что под вечер она без сил рухнула в кровать.

Михаил, сын Михалыча, тоже пребывал в суете и тихой панике. Громко паниковать он не решался, чтобы не расстраивать жену и сына. Несмотря на прогнозы, данные Клавдией Васильевной, ему было не наплевать, что там с отцом. Да, они созванивались нечасто, раз в три-пять дней. А о чем говорить? Жив-здоров батя и ладно. Тот справится тоже, как здоровье у жены, как внук учится, и хорош. С Ванькой дед и то чаще общался. Понятно, что старый, что малый...

Увидев сидящего с телефоном сына, он небрежно спросил:

– Ну, что, Вань, там дед пишет? Какими роликами вы сегодня обменялись. Сын поднял удивленные глаза.

– Ничего не пишет. До него уже дня два сообщения почему-то не доходят. Я позвонил, он не доступен.

Михаил похолодел, но не подал виду.

– А чего ты мне не сказал?

Ванька пожал плечами.

– А что, надо было? Ну, недоступен и недоступен.

И ведь совсем недавно Михаил подумал бы также. Еще вчера, не дозвонившись до отца, он и не подумал бы переживать. Ну, мало ли что – телефон разрядился, едет там, где нет связи. Но после звонка этой, как ее... Клавдии Васильевны, он вдруг начал сильно переживать. Ну, правда, не было тако-

го, что отец долго был вне зоны действия сети. А тут... Интересно, кто эта такая, Клавдия Васильевна? Знакомая отца? Судя по ее волнению, близкая знакомая. А он и не знает. А вообще, что он знает о его жизни? Клавдия Васильевна, Клавдия Васильевна... Михаил помнил только одну Клавдию Васильевну, соседку по саду. Но в сад к бате он ездил очень редко. Когда мама была жива, они все вместе собирались там. И, кажется да, приходила и Клавдия Васильевна с мужем, С Петром... чеевичем? И не вспомнить уже...

Стараясь не волновать жену, он осторожно сообщил ей о своем отъезде. Ну не мог Михаил оставаться здесь, под жарким еще южным октябрьским небом, если непонятно, где там отец и что с ним. Ася расстроилась. Она так обрадовалась спонтанному отпуску. Раз не получилось съездить летом, то эти десять дней прямо подарок Божий. У Михаила нарисовалась командировка в Севастополь и он решил взять с собой жену и сына. Ну и что, что учебный год начался? Нагонит Ванька, ничего страшного. Зато они так хорошо проводили время. Ася с Ванькой в первой половине дня вдвоем, а после пяти к ним присоединялся Михаил. Тут, в южном городе и командировка была необременительная. И вот, все это надо бросить и уехать. Но главное – это умудриться достать билет. А вот это уже полнейшая фантастика...

Михалычу начинала нравится такая жизнь без телефона

– никто не отвлекает, не раздражает. Он заметил, что спать стал лучше, и мысли в голове все больше положительные. А может просто причина в том, что он уже третий день в саду жил? Свежий воздух, отличная погода, работа в радость и приятель-соратник с тем же мировоззрением в голове, что и у него, у Михалыча. С Николаем они сошлись очень быстро и Михалычу казалось, что он знал этого добродушного здоровяка всю жизнь. Спорый на работу, приятный в общении и, главное, готовый помочь искренне и безвозмездно. Он целый день провозился с машиной Михалыча, но, к сожалению, безрезультатно. Тогда он предложил отвезти Михалыча на буксире в город. Но Михалыч в город пока не спешил. Ему так хорошо было здесь, да еще в компании с новым знакомцем. Он решил отблагодарить Николая за то, что он помогал ему с машиной, да еще в город отвезти собрался, и помогал соседу в строительно-ремонтных работах по дому.

Они решили, что этот день ударно работают, а на следующий отправляются в город. Доставит Николай Михалыча до сервиса, а на обратном пути заберет свою Нюру, которая должна была вернуться с югов. А Михалыч намеревался захватить Клавдию Васильевну. Телефон же он упорно не включал. Обида на Ивана Филипповича растворилась, но то, что телефон можно было бы уже включить, Михалыч как-то не подумал. Заняться было чем, так что все эти ролики и картинки ему были без надобности. Звонить? А кому и за-

чем? Сын в командировке, там же с отцом и матерью на юге и внук бока греет. Клавдия Васильевна до выходных с правнуком водится. Вот Михалыч и подумал – поработают они тут ударно с Николаем чуток, а в выходные поедут в город за своими женщинами. От этих мыслей у Михалыча потеплело в груди. Своя женщина... это Клавдия Васильевна его женщина? А может уже пора объясниться с ней, и... Ну сколько можно бобылем жить, да и она одна век коротает. Женщины, правда, самостоятельные и себе на уме. А вдруг она даст Михалычу от ворот поворот? От этой промелькнувшей мысли Михалыч немного погрустнел. Но тут же взял себя в руки и подумал, что раньше времени нечего панику разводить, и окунулся с головой в работу.

Чтобы не топить печь, а то ночи уже были холодные, он на эти дни перебрался жить к Николаю, тот все равно пока один живет. И, конечно же не видел, как серая Реношка его дружка колесила по дорогам садового товарищества «Василек». Иван Филиппович и Клавдия Васильевна Михалыча, естественно, тоже не увидели.

Клавдия Васильевна и Иван Филиппович поднялись ни свет, ни заря и, не сумев дозвониться до своего друга, решили снова съездить в сад. Ну а вдруг он все-таки там? А то провести еще один день в неведение было выше их сил.

Не найдя Михалыча в саду, Клавдия Васильевна решительно скомандовала:

– Все, едем в полицию!

В знакомом уже отделении полиции дежурил другой полицейский. То ли он был более сговорчивый, то ли сердце у него было добрее, чем у своего коллеги, но под натиском Клавдии Васильевны он сдался быстро, и принял от нее заявление о пропаже человека, даже если этот человек и не является Клавдии Васильевне родственником. Пока не является. Записал все данные, приметы, а также данные на машину. Ведь Клавдия Васильевна и Иван Филиппович и машину Михалыча нигде не обнаружили. А вдруг это будет важной уликой? Номер машины подсказал Иван Филиппович, потому что для Клавдии Васильевны это была просто «зеленькая машинка, кажется, модели Лада». Дежурный все аккуратно записал и пообещал, что передаст эту информацию куда положено, и Баранов Иван Михайлович, 1952 года рождения будет объявлен в розыск.

Обнадеженные друзья Михалыча, уже сильно сплоченные случившимся несчастьем, направились к Клавдии Васильевне домой плотно пообедать, чтобы подкрепить силы. А потом разработать дальнейший план действий. Розыск розыском, но сильно на нашу полицию надеяться нельзя. Нужно сделать все от себя зависящее, чтобы в дальнейшем совесть не мучала. Клавдию Васильевну вдруг осенило – они же до

сих пор не обзвонили все больницы в городе и (о, Господи!) морги. Этим решили заняться после обеда. Процедура это оказалась муторная и требующая нервного напряжения. Через три часа не осталось ни одной больницы, ни одного морга, куда они бы не обратились. А в некоторые звонили даже по два раза. Эти действия выбили из сил, но зато внушили некоторую надежду – нигде не замечен, значит велика вероятность, что живой, и даже вполне здоровый. Этим они себя успокоили и разошлись по домам.

Но дома Клавдия Васильевна места себе не находила. За пару дней она осунулась, побледнела, а пузырьки с корваволом и пустырником со стола на кухне уже и не убирались, но и они не помогали. Не отвлекали ни привычные домашние дела, ни любимый правнук Владик. Клавдия Васильевна стала нервная и у нее появилась бессонница. И в очередную бессонную ночь в голову Клавдии Васильевне пришла страшная мысль. Она еле дождалась утра и помчалась к Ивану Филипповичу. И сразу с порога выпалила:

– Я тут подумала, а что если... – Клавдия Васильевна держалась за сердце и тяжело дышала. – А что если он все-таки дома?

– Так он же не открывает, – ответил недогадливый Иван Филиппович.

– Так не открывает, потому что не может, – она в изнеможении села на стул.

– А почему не может? Помер что ли?

Иван Филиппович был человек прямой и особым тактом не обладал. Клавдия Васильевна от этих жестких слов округлила глаза и, прикрыв рот ладошкой, прошептала на полувздохе еле слышное: «Ааах..». С минуту посидела молча, потом энергично вскочила и заявила:

– Сил моих больше нет! Сидишь тут в неведенье. Сыну все равно... А нам нет! И поэтому я предлагаю самостоятельно вскрыть дверь в квартиру Ивана Михайловича, чтобы убедиться!

– Убедиться в чем? – осторожно спросил Иван Филиппович.

– Хоть в чем-нибудь. Что его там нет. Или, что он там живой и здоровый, в то время, как мы тут с ног сбились, его разыскивая. Или... Или в том, что он там, но...

Она никак не могла произнести страшное слово «умер» и беззвучно заплакала. Иван Филиппович неуклюже гладил ее по спине и убеждал, что для начала надо попытаться снова связаться с сыном Михалыча.

А Михалыч тем временем ехал в своей зелененькой Ладушке на буксире. Тягачом был УАЗ Патриот, за рулем которого сидел Николай. Договорились, что машину Михалыча отбуксируют в сервис, который находился рядом с домом, Михалыч уже и с ребятами автомеханиками созвонил-

ся. Хорошие ребята, дело свое знают, и Михалыч был уверен, что его Ладушку быстро починят, но эти его радужные мысли были прерваны какой-то суматохой на дороге. Вдруг послышался вой полицейской сирены, и из громкоговорителя прозвучали резкие слова, призывающие водителя машины УАЗ Патриот госномер семь два пять, Антон, Валерий, Ольга, остановиться ...

«Кто-то что-то нарушил», – меланхолично подумал Михалыч, и с удивлением увидел, что полицейская машина поравнялась с машиной Николая, и поджимает его к обочине. Тот послушно свернул и остановился. «Что за чертовщина?!» – чертыхнулся Михалыч, едва успев отреагировать на маневры Николая. Дальше было совсем уж как в кино – из полицейской машины выбежали два дюжих молодца с автоматами и, рванув дверь, уже вытаскивали Николая из машины, укладывая руками на капот. Еще один молодчик в полицейской форме подскочил к машине Михалыча. Но тот не стал дожидаться, сам поспешил выйти и выяснить, в чем дело. У него в несколько грубой форме потребовали документы.

Михалыч несколько поспешно предъявил документы, он понимал, что волноваться ему нечего, с документами у него все в порядке, но руки все же чуть подрагивали. Оно и понятно, не каждый день тебя останавливает полиция, да еще в такой экстренной форме. Кроме прав и свидетельства на

машину со страховкой потребовали и паспорт. Михалыч хотел съязвить – а свидетельство о рождении, мол, вам не надо, но счел за благо лучше промолчать.

– Серега, – крикнул его полицейский. – Документы в порядке и все соответствует. У вас там что?

– У нас тоже все соответствует, да вот только машина-то в угоне, а этот товарищ ее на буксире куда-то везет...

– Чья машина в угоне? – удивленно воскликнул Михалыч.

– Ваша машина в угоне, а вы сам в розыске, – уже более миролюбиво ответил его конвоир, поглядывая на Михалыча и все еще сверяясь с документами. А потом крикнул своим сослуживцам:

– Ну, и что делать будем?

– В отделение отвезем, пусть там разбираются. Серега сядет к этому, в Патриот, а ты садись к своему, который пропащий.

Слово «пропащий» больно отозвалось в душе Михалыча. Хорошее настроение испарилось. Что это за напасть? Недоразумение? Учение по захвату заложников? Ничего непонятно... Может Николай что-то больше знает? Но с ним и парой слов не удалось перекинуться.

Клавдия Васильевна, тщетно пыталась связаться с сыном

Михалыча. Но после десятой неудачной попытки вызвала на свой страх и риск МЧС для того, чтобы те вскрыли дверь. Ребята приехали оперативно, но вот на уговоры взломать дверь не поддавались. Не положено, раз не являются хозяевами квартиры, не по-ло-же-но. Клавдия Васильевна употребила весь свой шарм и красноречие, но ребята были неумолимы.

Отчаявшаяся Клавдия Васильевна воззвала к Ивану Филипповичу:

– Ну сделайте же что-нибудь, вы же мужчина в конце концов!

– Может сходить за соседом? У Толика с первого этажа болгарка есть... – нерешительно предложил он.

– Идите, идите за своим соседом! – Клавдия Васильевна была возбуждена сверх меры.

Иван Филиппович послушно направился вниз. Но старший из МЧСников резонно заметил, что это будет считаться незаконным проникновением в жилище.

– Вы бы хоть тогда участкового вызвали что ли.

– Зачем участкового? – поинтересовался молодой мужчина, подошедший незаметно для всех. – Что тут вообще происходит?

– А вы кто такой? – несколько надменно спросила Клавдия Васильевна.

– Вообще-то, я хозяин этой квартиры... Почти хозяин, –

поправился он. – Сын хозяина.

– Михаил?! – радостно воскликнула Клавдия Васильевна. – А мы до вас дозвониться никак не могли.

– Дааа? – удивленно протянул мужчина и достал из кармана телефон.

– Ах, да! – хлопнул он себя по лбу. – Я же, как поднялся в самолет, поставил авиарежим, а потом забыл его отключить...

– Ну, хорошо, очень хорошо, что вы приехали. Откройте поскорее дверь!

Михаил похлопал себя по карманам и застыл в оцепенении.

– Черт... Я после вашего звонка почти сразу рванул сюда. К отцу. Но ключей от его квартиры у меня нет... Они дома.

– Оооо, – простионала Клавдия Васильевна. – Ну так езжайте поскорее домой!

– Но и от своего дома у меня нет ключей, – растерянно пробормотал Михаил, – я их забыл в другой куртке там, в Севастополе... Я так торопился, что не переоделся, не посмотрел, все ли на месте, ключи, деньги, – бормотал он в свое оправдание. – С таким трудом билет раздобыл, что про все остальное просто не вспомнил.

В этот момент поднялись Иван Филиппович с владельцем болгарки – соседским Толиком, и тут поднялась страшная

суета и галдёж. МЧСники отказывались взламывать дверь, не верили в родство Михаила и хозяина квартиры, а требовали штампа прописки в паспорте. Клавдия Васильевна умоляла Михаила согласиться на взлом двери болгаркой Толика. Старший из команды МЧС упорно рекомендовал вызвать участкового.

– Это что тут за базар? И на кой леший звать участкового? – неожиданно громко прозвучавшая фраза перекрыла весь этот шум. Все разом замолчали и посмотрели на говорившего. Конечно, бригаде парней из МЧС поднимавшийся по лестнице человек был незнаком, зато все остальные, включая соседа Толика с болгаркой, при виде его издали невообразимый вопль. Каждый кричал свое, но из всей этой какофонии можно было разобрать отдельные голоса:

– Михалыч?!

– Папа!

– Ванечкаааа!!!

Обычно сдержанная Клавдия Васильевна, подлетела к Михалычу (а это был конечно же он) и припала к его груди.

Несколько недоуменные, но все же возбужденно радостные, взирали на Михалыча сын и друг. Лицо Толика тоже расплылось в улыбке, и он пробормотал:

– Ну, вот, нормально все, а то уж чуть ли не похоронили мужика.

– Кто похоронил? Кого похоронили? – Михалыч, пытаюсь высвободиться из объятий Клавдии Васильевны, удивленно таращил глаза.

– Так тебя похоронили, – меланхолично произнес Толик. А старший из МЧСников сухо произнес:

– Ну, что, будем оформлять ложный вызов?

Четверо мужчин уселись за столом, а кресло уступили даме. Клавдия Васильевна откинулась на спинку и прикрыла глаза. Радостное возбуждение схлынуло и на нее навалилась усталость – моральная, эмоциональная, физическая. Эти суматошные, полные тревоги дни измотали ее окончательно. Да, хорошо, что все хорошо закончилось. Ванечка жив, здоров и это самое главное. Клавдия Васильевна сидела молча, пусть мужчины сами разбираются, выясняют отношения. Она бы даже домой ушла, чего мешаться, это их семейные дела, но Иван Михайлович ненавязчиво предложил остаться, по-джентельменски в кресло усадил. И у нее не хватило духу отказаться. А может скоро все наговорятся, разойдутся и они останутся с Ванечкой одни. От этой мысли у Клавдии Васильевны сладко заныло сердце. Она чуть улыбнулась, но, поймав себя на такой романтичной, явно не по возрасту, мысли, засмушалась. Как будто кто-то мог узнать, о чем она думает. Но даже перед собой и то стало немного стыдно. Это в ее-то возрасте про такое думать! Уже правнук растет, а туда же... про отношения...

Клавдия Васильевна даже в мыслях побоялась произнести слово любовь. «Кака така любовь?» – вспомнила она Надюху из фильма «Любовь и голуби», и чуть не рассмеялась, рот ладонью прикрыла. Ну, правда, какая любовь на старости-то лет! Просто... они давние приятели, их много что связывает друг с другом. И потерять близкого человека (а ведь близкий, не обязательно родственник или муж) очень было бы тяжело. Но, слава Богу, все разрешилось. Да, задал всем проблем уважаемый Иван Михайлович.

– Ну, батя, натворил ты делов, – Михаил словно прочитал мысли Клавдии Васильевны, – Зачем телефон-то отключил? Михалыч неласково зыркнул на Ивана Филипповича.

– Зачем... Так чтобы некоторые тут не говорили мне...

Иван Филиппович виновато опустил голову, но Михаил строго ответил отцу.

– Ты мне не уваливай! И нечего спирать на других – сам виноват, сам и отвечай. Я вот из-за тебя из командировки сорвался. Ты бы знал, чего мне стоило, билет достать. А друзья твои, как они извелись. Видя, что отец пытается что-то сказать, замахал на него руками.

– Молчи уж, знаю я причину вашего спора и раздора. Если ты такой принципиальный, ну отключи Интернет. Ну свой старый телефон возьми, им пользуйся, но чтобы до тебя хоть дозвониться можно было. Ты понимаешь, что в наше время

значит не выходить на связь? Особенно в твоём возрасте, а? Тебя уж похоронили...

Тут, прокашлявшись, вступил в разговор Николай.

– Я... это, извиняюсь... но мне как-то неудобно присутствовать на ваших семейных разборках. Я человек посторонний... Может я пойду?

Но Михалыч оборвал его.

– Да сиди уже. Какой ты посторонний? Ты сосед! И никакие это не разборки. И вообще, сейчас чай будем пить. Или еще чего-нибудь, покрепче. Надо ведь отметить мое новое рождение. Я вроде, как воскрес.

Народ оживился. Иван Филиппович расплылся в блаженной улыбке. Николай сосредоточенно морщил лоб – предложение ему пришлось по вкусу, но как ему до дома добираться? Нюрку на помощь звать или услугой «трезвый водитель» воспользоваться?

Михаил хмыкнул и покачал головой.

– Ну, батя, ты меня не перестаешь удивлять. Застолье – дело хорошее. Но может чаем и ограничимся? Ты-то дома, а остальные как до дома доберутся?

– В кои-то веки отец гостей собирает, а ты и тут палки в колеса норовишь вставить, – сварливо заметил Михалыч. – Как доберутся... А я всех у себя оставлю ночевать! А что? Компания подходящая собралась. Кого на диване устрою,

кто на полу разместится, матрас да полушубок кину и ладно...

Из угла донесся смешок.

– Иван Михайлович, я, пожалуй, с вашего разрешения, уйду, – произнесла, поднимаясь с кресла Клавдия Васильевна.

– Нет, нет, нет, нет! – закричал Михалыч, – Клавдия Васильевна, как можно? У меня к вам, так сказать, специальное предложение. Вы, как отличная хозяйка, а я смею так утверждать, так как знаю вас очень давно, не могли бы мне оказать помощь? Я сейчас отправлю своего Мишаню, как самого молодого, в магазин, а вы может приготовите чего-нибудь? Салатик, другой, настругать, чтобы вам необременительно было.

Клавдия Васильевна от такого предложения слегка растерялась

– Я даже не знаю... А, впрочем, ладно! – она тряхнула головой и улыбнулась, – я же никуда не спешу и к тому же повод веский – ваш новый день рождения, как никак. И поэтому с удовольствием помогу. Показывайте свои запасы, я гляну, что есть, а что еще докупить надо будет.

«Молодой» Мишаня нарочно громко ворчал, что страдает от отцовского произвола, но быстро собрался и поманил с

собой Николая. Он понимал, что этот новый отцовский знакомый сейчас будет себя немного не в своей тарелке чувствовать. Этот мужчина ему с первой минуты понравился, и как раз удобный повод познакомиться поближе.

– Николай, составите мне компанию? Мне одному, пожалуй, все не унести будет.

– Дак что, как на свадьбу что ли готовить будем? – стеснительно заметил тот, но пошел с Михаилом с удовольствием.

– Миш! – крикнул вдогонку сыну Михалыч, – Ключи мои возьми, он там, в коридоре, на гвоздике висят.

Клавдия Васильевна негромко мурлыкала себе под нос, замешивая тесто. Салаты салатами, а пирожок к чаю будет не лишним. Все необходимые продукты у Михалыча нашлись. Кухня Михалыча пришлась ей по вкусу – просторная. Конечно, мебель старая, но добротная. Из современной кухонной техники – одна микроволновка. И, естественно, никаких новомодных приспособлений. Не то, что у них дома. Но там всем внучка заправляет. А тут, сразу видно, холостяцкая квартира. Но холостяк этот довольно аккуратный, хозяйственный. Только вот женской руки явно не хватает.

Клавдия Васильевна включила духовку в старенькой плите, словно делала это постоянно – так естественно у нее получилось. Видимо молодость вспомнилась – как в новый дом въехали, у них точно такая же плита стояла. Загрузив сково-

родку с налитым в нее жидким тестом в духовку, Клавдия Васильевна отошла к окошку. Пейзаж за окном радовал буйством красок, солнце малиновым диском постепенно исчезало за деревьями, обещая завтра хорошую погоду. Бабье лето. Она вздохнула. Сейчас бы в сад, сколько всего еще надо сделать. Но житейский опыт Клавдии Васильевны говорил, что всех дел все равно не переделаешь, нужно ценить общение и радоваться каждому моменту жизни. Она и внучку этому учила. И раз так жизнь повернулась, собрала всех их тут – у Михалыча дома, значит это зачем-то надо. Они устроят незапланированный праздник, познакомятся поближе. Клавдия Васильевна прислушалась к разговору – в комнате Михалыч беседовал с Иваном Филипповичем. И довольно громко. Все еще отношения выясняют? Хоть бы снова не рассорились, да не учудили чего. Но вот из комнаты раздался взрыв смеха – Михалыч хриловатым баском перекрывал отрывисто-дребезжащий смешок Ивана Филипповича. «Ну, слава Богу, – подумала Клавдия Васильевна, – все хорошо».

Но вот хлопнула входная дверь, и через минуту в кухню зашел Михалыч.

– Ну, как дела? – бодро спросил он, – дело движется?

– Движется, движется, – улыбнулась в ответ Клавдия Васильевна. – А там кто-то пришел? – поинтересовалась она.

– Нет, это Филиппыч ушел.

– Как, его не будет с нами? – брови Клавдии Васильевны

от удивления взметнулись вверх.

– Я его в магазин отправил, – слегка замявшись ответил Михалыч.

– Так в магазин уже ушли вроде? – полувопросительно заметила Клавдия Васильевна, Михаил и Николай.

– Нуууу... Надо еще кое-чего докупить, – туманно произнес Михалыч.

И он как-то враз изменился. Только что был подтянут, улыбался и вдруг раз, слегка ссутулился, руки нервно потирает. Видно, волнуется. В чем дело? Может подумал, что ей, Клавдии Васильевне не место среди мужчин? Вот и хочет деликатно ее спровадить. Чтобы, значит, она приготовила им все и покинула их мужскую компанию. А Иван Филиппович видимо за дополнительным спиртным побежал. Все понятно, история обычная, но... грустная. Но с другой стороны – и правда, что она тут делает в сугубо мужском обществе?

Пока Клавдия Васильевна гоняла в голове эти печальные мысли, Михалыч мялся, словно не решаясь сказать что-то важное. Но вот он поднял голову и посмотрел в глаза Клавдии Васильевне, даже за руки ее взял. Клавдия Васильевна в смущении опустила голову. Ей почему-то стыдно стало за Михалыча, за такое его поведение. Ну, хочет он деликатно выставить ее за дверь, ну так и сказал бы – вежливо, но твердо. А то мнется, жметяся, как сопливый юнец.

– Клавдия Васильевна... Уважаемая... нет, дорогая Клавдия Васильевна...

– Да-да, Иван Михайлович, – в нетерпении ответила она, – я все поняла, сейчас уйду. Вот только пирог достану, и все...

– Почему уйду? – растерялся Михалыч.

– Ну, вы же сами хотели мне сказать, что у вас тут будет чисто мужская вечеринка. Я все понимаю. Вот, немного помогла вам и все, ухожу.

– То есть как? То есть, какая мужская вечеринка? – непонимающе хлопал глазами Михалыч. – Я ни про какую мужскую вечеринку не говорил и вовсе не хочу, чтобы вы нас... меня, покидали.

– А что же вы мне тут уже пять минут пытаетесь сказать?

– Я... в общем, не судите строго. И не говорите сразу нет. Просто подумайте... Ладно?

– Ну, ладно... Так что же такое, говорите уже скорее! – Клавдия Васильевна раздражено свела брови.

– В общем... – Михалыч набрал полную грудь воздуха и решительно произнес, – Клавдия Васильевна, я понимаю, мы с вами далеко не молоденькие, но... Вы одна, я один... Давайте соединим наши одиночества и... Будем вместе проживать те годы, которые нам еще отмеряны судьбой.

Видно было, что такая серьезная и длинная фраза далась Михалычу нелегко. Щеки его горели румянцем, а на лбу вы-

сыпали бисеринки пота.

Клавдия Васильевна и сама залилась краской. Уж чего-чего, но такого она от Михалыча не ожидала. Да, чего греха таить, хотелось ей соединить их судьбы в одну, но она даже и не подозревала, что Михалыч решится на такое предложение. Она опустила голову и стараясь не встречаться взглядом с Михалычем, смущенно пробормотала:

– Ну, что вы, Иван Михайлович, мы с вами в таком возрасте... И внуки уже у нас, а у меня и правнук даже имеется, они-то что скажут?

Смущалась Клавдия Васильевна, а сама думала: «Ну что я несу? Чего ломаюсь? Как институтка глупенькая – ах, простите, ах, извините... Но с другой стороны, мне что, сразу на шею с криком «Ура!» к нему вешаться?» А Михалыч не отпускал ее руки, а с надеждой смотрел на нее:

– Ну, вы же подумаете?

– Ах, Иван Михайлович, это так неожиданно... Ну... хорошо, я подумаю.

А Михалыч с грустью посмотрел на нее и неожиданно заявил:

– А я было подумал, что вы с радостью мое предложение примете...

– Это почему же еще?! – надменно поджав губы, бросила Клавдия Васильевна. И резко вырвала свои руки из шершавых пальцев Михалыча.

Тот отпустил, не стал удерживать. Двумя руками взлохматил свою седую, но все такую же густую шевелюру и отошел к окну. Последний розовый солнечный луч пропал над деревьями, и сумерки окутали все серой дымкой. Кухня опустилась в полумрак. Ни Михалыч, ни Клавдия Васильевна не решались зажечь свет. Михалыч уперся рукой в оконную раму и опустил голову на руку.

– Почему? – глухо переспросил он, – Когда мы сегодня встретились... После радостного, так сказать, выяснения этого моего исчезновения, мне показалось, что вы ко мне... как бы... расположены. Вроде как я вам и не безразличен. Я и рискнул выйти к вам с таким смелым предложением. Да, мы люди пожилые, у нас взрослые дети со своими проблемами, внуки, правнуки... но мы ведь не разучились чувствовать. Я тут денька три провел без телефона, без этого ливня информации, да на природе, да занимаясь физической работой, и многое понял. Я давно подумывал вам предложение сделать, но все никак решиться не мог. А как вы меня «похоронили», да как увидел, во всяком случае мне показалось, что я вам не безразличен, так и набрался смелости. Филипыча вон выставил... Потому что подумал – ну чего тянуть? Сколько нам судьбой отмеряно лет или дней? Так хоть прожить эти дни полноценно, на полную катушку.

Сердце Клавдии Васильевны успокоилось, вернулось в свой обычный ритм. Она тихонько произнесла:

– Так я согласна, Ваня... Просто, неожиданно это как-то прозвучало. Я и не думала, что и вы хотите того же, что и я. И опасение у меня все же имеется – а как не сойдемся характерами? Столько лет уже в одиночестве живем. Да и до этого – у меня своя половина была, у вас своя, не получится ли сейчас, что мы сравнивать будем, с супругами нашими?

– Клавушка, – полушепотом сказал Михалыч, так риск он всегда присутствует. Что ж теперь, не жить что ли совсем? А так хоть друг другу стакан воды на старости лет подадим. Не будем молодежь нашу напрягать, пусть живут и радуются.

Клавдия Васильевна тихонько подошла к Михалычу и уперлась лбом в его плечо. Михалыч развернулся, чуть скованно обнял Клавдию Васильевну. И, не встретив сопротивления с ее стороны, прижал к себе крепко-крепко. Так они и стояли в темной кухне обнявшись, пока в дверях не повернулся ключ. Полоска света с лестничной клетки проникла в коридор, побежала дальше и замерла на пороге кухни.

– Э, але, народ! – крикнул Михаил, занося два больших пакета с логотипом ближайшего супермаркета, – что, никого нету что ли? В коридор, щурясь на яркий свет, вышли Михалыч, с наигранно бодрым выражением лица, и немного смущенная Клавдия Васильевна.

– Чего шумишь? Здесь мы. А ты куда Николая дел?

– Сейчас поднимется твой Николай. Машину решил переставить. Держи продукты. А чем это пахнет?

– Ой, а пирог-то! – всплеснула руками Клавдия Васильевна, – неужели сторел?!

И метнулась в кухню. Пирог к счастью оказался в полном порядке, в той самой нужной кондиции с румяной корочкой и слегка подсушенными боками.

Вот уже подошел Николай, а вслед за ним пришел и Иван Филиппович. Клавдия Васильевна молча и сосредоточенно накрывала на стол, это помогало ей собраться и не выдавать своей растерянности от свалившейся неожиданной радости. Михаил ей деловито помогал. Михалыч суетливо двигал мебель – раздвигал стол, расставлял стулья и давал всем указания. И вдруг, спохватившись, крикнул:

– Мишка, а ты ключи куда дел?! Повесь на гвоздик, а то укаатишь к себе с моими ключами, что я тогда делать-то буду?

Но вот, суета утихла, все расселись за столом. Разложили по тарелкам салаты, нарезали пирог. Мужчины разлили себе по стопочкам коньяк, а Клавдии Васильевне в бокал налили рубиновое кинзмараули. И как-то все замерли. Повисла пауза, и никто не мог взять на себя смелость сказать вступительное слово. Тогда Михаил откашлялся, встал и произнес:

– Ну, что ж... Обычно слово предоставляют самому старшему. Или хозяину. Но старшинством меряться не будем, хозяин у нас нынче вроде как именинник новоявленный, так что сегодня изменим традиции и я, как самый молодой в вашей компании, скажу тост. Буду краток. Батя, живи долго,

и... не выкидывай больше таких фортелей, хорошо?

Все засмеялись и потянули руки с рюмками друг к другу.

– Да, за ним глаз да глаз нужен! – смеясь и перекрикивая общий шум, прокричал Иван Филиппович.

– Нет, больше такого не повторится, – покаянно покачал головой Михалыч. Почему не повторится? А вот об этом чуть позднее.

На эти его слова вроде никто не обратил внимания, но вот, снова наполнились рюмки, новая порция салатов оказалась в тарелках, и слово взял Михалыч.

– Думаете, почему я сказал, что такое больше не повторится? А потому что жизнь моя скоро изменится. Мне самому эта история пошла на пользу. Эта моя небольшая ошибка на многое открыла глаза и подтолкнула к кое-каким действиям. Ситуация показала, кто я для вас и что вы значите для меня. Так вот... – Михалыч немного помедлил, – со всеми из вас я знаком давно. Только вот Николай – товарищ мой совершенно новый, но я сразу понял, что с ним спокойно можно идти в разведку, а также, как и с каждым из вас, делить и горе, и радость. Про горе мы сегодня не будем, а вот про радость... короче, прошу вас разделить со мной эту радость, о которой я с вами сейчас с превеликим удовольствием расскажу. Я сделал Клавдии Васильевне предложение, и она согласилась коротать со мной оставшиеся дни и ночи. В общем, мы решили так сказать...

– Пожениться?! – вопросительно-радостно закричал Михаил. Ну, батя... Ну, молоток!

А Иван Филиппович деловито достал из серванта фужеры и достал, купленное им перед застольем, шампанское. Хлопнула пробка и пенная ароматная жидкость полилась в подставляемые фужеры.

– Поздравляю!

– Совет да любовь, как говорится!

– Эх... Молодцы!

Сыпались слова поздравления, Клавдия Васильевна смеялась немного суетливо и нервно, прикладывала прохладные пальцы к пылающим щекам, но было видно – она так счастлива.

К полуночи все устали, застолье подошло к концу. Николай не поддался на уговоры Михалыча, воспользовался услугой своего «трезвого водителя». Им оказалась его дочь. Молчаливая, коротко стриженная молодая женщина в кожаной косухе. Она позвонила в дверь, подхватила под руку стоявшего уже наготове Николая и, поигрывая ключами с брелоком в виде металлического черепа, увлекла отца по ступенькам вниз.

Иван Филиппович заявил, что тоже пойдет домой, и провозжать его не надо – благо он жил рядом через два дома. Михаилу поставили в уголке раскладушку.

Клавдия Васильевна неторопливо перемыла посуду и присела на стул возле окна. На удивление, она не чувствовала усталости. Еще где-то три часа назад, она ощущала себя словно сдувшийся воздушный шарик, а сейчас – надо же – бодрa и полна сил. Чудеса. И сна ни в одном глазу. В комнате приглушенно разговаривали Михалыч с сыном. Клавдия Васильевна не прислушивалась к их разговору, она, подперев рукой щеку и облокотившись на подоконник, смотрела в налитое темнотой поздневечернее небо. Внизу, фонари разливали желтый свет, а тут, с высоты пятого этажа распахивал свою ширь небосвод. Дом Михалыча стоял последним на улице, за ним простирался парк, и поэтому ничего не закрывало обзор. Вид из окна был чудесный. Верхний свет на кухне был выключен, неярко светилось лишь бра над кухонным столом и его бледный свет не мешал рассматривать ночные красоты за окном. В кухню тихонько зашел Михалыч.

– Клавдия Васильевна, вы чего это в потемках сидите?

– Да вот, Иван Михайлович, – в тон ему ответила Клавдия Васильевна, – отдыхаю. Да на красоту за окном смотрю. У нас-то квартира на втором этаже, да вокруг домов понастроили, считай, в окна друг к дружке заглядываем. А у вас хорошо.

– Я рад, что вам понравилось. Когда нравится, проще привыкать.

– Привыкать к чему? – насторожилась Клавдия Васильев-

на.

– Как к чему?! – опешил Михалыч, – к квартире этой. Вы же ко мне в скором времени переедете.

– Я?! – Клавдия Васильевна выглядела слегка шокированной.

– Ну как же... Мы же с вами договорились... Я вам это... предложение сделал. И вы согласие свое дали. А теперь что?

– Ну... да, дала. А вы это серьезно? С предложением, – недоверчиво спросила Клавдия Васильевна.

– О, Боже, простонал Михалыч, – ну, конечно, серьезно.

– А зачем мне переезжать?

– Ну а как вы себе представляете совместную жизнь? – язвительно заметил Михалыч.

– Я, честно говоря, не задумывалась, – пробормотала Клавдия Васильевна. – Просто все так неожиданно... У меня голова кругом. Сначала вы пропадаете, а потом с таким заявлением ко мне. Я и растерялась. Не подумала, что у вас все... так серьезно.

– Куда уж серьезнее, – буркнул Михалыч.

Он в раздражении начал ходить из угла в угол.

– Я конечно мужчина самостоятельный, – заявил он, остановившись напротив Клавдии Васильевы, – и квартиру в порядке могу содержать, и поесть себе сварганить. А то, что предложил вам совместное проживание, это не от того, что за мной уход нужен. Просто... Ну, чтобы вместе... Завтра-

кать, ужинать, в магазины ходить, в сад ездить.

– Ну, в сад предположим мы и так почти что всегда вместе ездим, – резонно заметила Клавдия Васильевна, – и что вы мужчина самостоятельный я тоже давно поняла. Но разве так уж необходимо мне к вам переезжать?

– Нет, блин, я к вам перееду, – в сердцах сказал Михалыч. – К вашим детям и внукам. У вас и так там народу, как сельдей в бочке, а тут, здрасьте, еще дядя Ваня нарисовался.

Михалыч занервничал. Вот только считал, что все улажено и расставлены все точки над «и», как на тебе, Клава вдруг заартачилась. Не поймешь, что у этих женщин на уме. А ведь вроде согласная была.

А Клавдия Васильевна задумалась. А ведь Ваня прав – народу в их трешке предостаточно. У внучки семья большая – трое детей. И, кажется, еще о прибавлении поговаривают. Клавдия Васильевна давно чувствовала себя дома несколько не в своей тарелке. Нет, внучка Аленка хорошая девочка, и муж ее, Максим, неплохой, зря ей на зятя обижаться. Но у них – своя семья, а Клавдия Васильевна, хоть и помогала им активно, но понимала, она уже не является дома полноправной хозяйкой. Да и молодой семье увеличение жилплощади не помешало бы. И вдруг ей вспомнилось, как Аленка с Максимом в разговорах своих несколько раз упоминании слово «ипотека». Раньше Клавдия Васильевна как-то и не задумы-

валась об этом. Но сейчас посмотрела на эту ситуацию другими глазами. Некоторые подозрения зашевелились у нее в голове. Молодые ипотеку хотят взять?! Да не дай Бог! В кабалу-то себя загонять...

Обдумав все это, Клавдия Васильевна с удивлением заметила, что с удовольствием переехала бы в эту маленькую, но уютную квартирку. И молодым облегчение, и... И ведь своя личная жизнь может наладиться. А что, у женщин после шестидесяти пяти нет личной жизни? Например, в выходной разгуливать по квартире в пеньюаре и не бояться при этом шокировать молодого зятя. Клавдия Васильевна подумала, что Михалыча такой картиной, пожалуй, не испугаешь. Как и тем, если она позволит себе бокал-другой вина в выходные. Он и сам наверняка с удовольствием разделит с ней воскресную трапезу, приправленную бокалом полусладкого, а то молодые все за здоровый образ жизни твердят. Да, малышам, и правда, нечего смотреть, какую бабуля ведет гламурную жизнь. А пример нравственности можно показывать, навещаясь в гости, и приглашая малышей к себе на дачу.

Такая перспектива жизни Клавдии Васильевне уже начала нравиться. Она представляла, как и что изменит в интерьере холостяцкой квартиры. Иван Михайлович, наверное, не будет особо противиться. Занавески поменять, посуду кое-какую прикупить, да мебель посовременнее. Не сра-

зу, а так, потихоньку. И она с улыбкой перебила ворчание Михалыча.

– Иван Михайлович, прошу простить меня, за то, что соображаю нынче туговато. Вы правы, так все неожиданно на меня навалилось – то переживания за вас, то такое приятное известие, как ваше предложение. А радость, она тоже, знаете ли, стресс вызывает. И я соглашусь с вами, что переехать мне действительно надо. И, наверное, чем скорее, тем лучше. Только, во избежание разных казусов, нам надо с вами все обговорить, чтобы понять, как может наша жизнь измениться. И сделать все от нас зависящее, чтобы перемены эти были только в хорошую сторону.

– Это вы о брачном контракте что ли? – хмыкнул Михалыч.

– Вот приятно поговорить с умным человеком, – сдерживая расплзающиеся в улыбке губы, закивала головой Клавдия Васильевна, – Я, конечно, не так глобально мыслила... Контракт... Брачный... Но зерно истины в ваших словах есть. Короче, обсудим, где границы личные, которые нельзя переступать, и где территория общего пользования, в которую при договоренности можно и нужно вносить изменения. Я уже даже на эту тему могу кое-что сказать. Как вы относитесь к тому, чтобы поменять занавески на кухне?

– Я рад, что вы меня правильно поняли, – Михалыч широко улыбнулся, ногой зацепил табуретку и, подтянув к сто-

лу, уселся на нее. – На счет занавесок – ваше право хозяйки принимать решения. Что у нас следующее на повестке дня? То есть уже ночи...

Серый туманный рассвет вползал в окно. День обещал быть солнечным и довольно теплым для осени, но в данный момент туман скрывал деревья в парке и дома, стоящие в отдалении. А вот в отношениях Клавдии Васильевны и Ивана Михайловича тумана было все меньше и меньше. Они продолжали неспешный разговор, словно не замечая, что наступило утро. На кухню заглянул заспанный Михаил.

– А вам чего это не спится? Поднялись ни свет, ни заря... Одно, что на работу не надо...

– А мы и не ложились, – негромко сказал Михалыч.

– О как! – удивленно покачал головой Михаил, – И чего так?

– Да вот... беседуем. Много, что надо нам обсудить. Но, наверное, можно и прерваться. На завтрак. Клавдия Васильевна, не приготовите ли нам что-нибудь попить-поесть?

– С удовольствием, Иван Васильевич. Вы что будете – чай, кофе? А вы, Михаил? Могу еще предложить яичницу с помидорами.

Через полчаса они втроем чинно сидели за столом в комнате. За завтраком неторопливая беседа Клавдии Васильев-

ны и Михалыча продолжалась. Михаил пил кофе молча и что-то смотрел в телефоне, стараясь не мешать отцу и Клавдии Васильевне. Но вот он не удержался и с улыбкой спросил:

– А чего это у вас общение такое... Интеллигентное, словно в девятнадцатом веке? Все на вы, да по имени-отчеству? Вроде давно друг друга знаете. И к тому же, – тут он замялся, но все же продолжил начатую фразу. – К тому же в семью решили объединиться.

Михалыч и Клавдия Васильевна переглянулись и засмеялись.

– Да как-то привычка, – протянул Михалыч, – я тут было пытался отчество в обращении отбросить, но все равно эта привычка верх берет.

– Да, вы правы, – улыбнулась Клавдия Васильевна, – У меня вот тоже... не сразу получается. А ведь помните, откуда это пошло, а, Иван Михайлович?

Клавдия Васильевна закусила губу и сощурила глаза, в которых запрыгали смешинки.

Михалыч крякнул и почесал затылок.

– Это о том случае, лет сорок назад?

– Да-да, именно о том самом. Вы знаете, Миша, мой Петенька был очень ревнивый человек. Хоть кандидат наук, пусть и молодой, но он был против... эээ... панибратства. И считал еще, что если посторонний мужчина называет его же-

ну, то есть меня, просто по имени, то... Ну вроде как имеет на нее виды, – Клавдия Васильевна развела руками, – помнится, произошел у нас небольшой инцидент в саду. Мужчины – мой муж и ваш отец... несколько поспорили. Но потом, слава Богу, нашли в себе силы не раздувать конфликт и оставаться добрыми соседями. Но с тех пор наше общение было всегда на высшем уровне. Обращались друг к другу только на вы и по имени-отчеству. Вот такая вот интересная история.

– Ну, с вами не соскучишься, – заявил Михаил. – Ладно, вы тут воркуйте... молодожены, – при этих словах он добродушно хихикнул, – А я поскакал в аэропорт. Надо мне возвращаться к своей работе и к нормальной жизни.

И уже в дверях крикнул:

– Клавдия Васильевна, вы тут присмотрите за ним, чтобы снова не пропал, или не учудил чего похуже.

– Не беспокойтесь, Михаил, обязательно присмотрю за Иваном Михайловичем. Теперь это моя прямая обязанность.

Солнце разорвало плотную завесу тумана и засияло на голубом небосводе.

– Вот нынче бабье лето, так бабье лето! – радостно потер руки поднявшийся из-за стола Михалыч. – Прямо подарок от Вселенной. Ну, что, Клавдия Васильевна... Клавушка, – поправился он, – в сад рванем? Если молодцы из сервиса

машину починили.

– Можно и в сад, Ванечка... – ответила задумчиво Клавдия Васильевна. – А бабье лето – ты прав – нынче с сюрпризами. С хорошими такими сюрпризами.